

ИЗВЕСТИЯ

**КРЫМСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

**ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**№ 8
1994**

ИЗВЕСТИЯ
КРЫМСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
№8 1994

**ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ**

Учредитель – Крымский республиканский краеведческий музей

Редакционный состав:
С.В. Павличенко, председатель.
Л.К. Белый, В.К. Гарагуля,
С.А. Дружинин, А.В. Мальгин,
Л.Л. Сергиенко – ответственный за выпуск.

Редактор Н.В. Николаенко.

И. Л. Белянский

ДЕМЕРДЖИ ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ

Наверное, многие туристские биографии начались с похода на Демерджи, так что удивить читателя неизвестными ему ландшафтами трудно. Но наш маршрут и не ставит целью исследования труднодоступных углов, тем более, что некоторые биографии на этой горе и окончились. Попробуем составить топонимический портрет Демерджи.

От перевала Ангар-Богаз недалеко до памятника военным строителям первой дороги на Южный берег. Ее остатки местами уже лесом заросли, а к югу, в верховьях речки Батанын-Су, можно поискать неплохо сохранившийся каменный арочный мост. У памятника развилка: вправо - легче, влево, гребнем волнистого хребта Елхи-Кая — интереснее. Обе ветки сходятся у горы Пахкал-Кая. Хорошо известно партизанское её название - Лысый Иван, а вот и почти забытое — Индэк-Даг или Эндэк-Хая. Местность к югу от горы, ныне занятая искусственными посадками, некогда была поляной Эндэк-Тогай, лес вокруг — Эндеклер. Немного дальше и ниже живописная поляна МАН, или Пандазьяны-Тогай, над нею мощная скальная ступень горы Сарпа-Хая, куда и направляется наша дорога. За сосняками крутой поворот влево, а нам по тропе, траверсирующей овражистый склон. На одном из виражей оборачиваемся назад и внимательно смотрим вниз на эффектную скалу, напоминающую нос линкора. В том месте, где он погружается в море букового леса, скальный массив «расщепился», образовав отверстие. Рядом скрытый за деревьями вход в сквозную пещеру. Одно время она была оборудована под жильё, стояли буржуйка и аскетическая мебель.

Еще несколько зигзагов тропы — и мы на краю плато Демерджи-Яйлы. В старой литературе упоминается неприжившееся её название - Султан-Даг, возможно потому, что относилось и к Главной гряде Крымских гор в целом. В прошлом веке его давали и Бабугану, и над Ялтой один из водопадов стекал опять же с Султан-Дага.

Справа от нас угадываются крутые скалы Матыч-Хаялары; минувя их, спускаемся через сосновые посадки к невысокой водораздельной гривке, украшенной первой на нашем пути россыпью фигур выветривания. Особенно примечательны две — одна напоминает огромное игольное ушко, а другая — настоящая скамейка на двух ножках. Небольшой переход к наезженной дороге, ведущей с побережья на яйлу, приводит к загадочному месту: там, где дорога пересекает двуглавый холм, по обе стороны вытянулись раскаты каменной стены - мы на Таш-Хабах-Богазе. По мнению О. И. Домбровского, локализовавшего страну Дори на Южном берегу, это и есть остатки тех самых клиссур, длинных стен византийского императора Юстиниана I, построенных для защиты от набегов с севера. Таш-Хабахом местное население именovalo остатки древних оборонительных сооружений, поэтому название это встречается и в других местах горного Крыма.

Налево от нас верховья урочища Джурла, направо — долина Таш-Хабах с речкой Артна-Узень, чуть впереди — седловина перевала, пройдя которую, поднимаемся на ничем не замечательную пологую вершину горы Демерджи, обычно добавляют — Южной (греческий вариант — Фуна). Отсюда недалеко до южной, скалистой её оконечности, отмеченной репером. Это Аленга, редкий по красоте панорамный пункт. В ясный малоснежный зимний день розовато-бурые складки прибрежных гор просматриваются от Меганом до Аю-Дага. Спускаясь с Аленги в сторону моря, тропинка огибает нагромождение столбчатых скал её основания. У них свои названия: средний этаж - Чомачай, а внизу - Балалы-Хая - "Скала-дитя" или Келин-Хая - "Скала-невеста", всем известная голова Екатерины II, в обиходе - Катюша. Вблизи на свой прототип она несколько не похожа. Кстати, одно из названий массива Южной Демерджи - Катериндаг. Немного ниже по пути ещё одно украшение горы - поляна Печ-Хая-Тогай. Сама Печ-Хая - массивная куполовидная скала — на северо-западном краю поляны и похожа на дворовую деревенскую печь. С другой стороны семейство симпатичных

чудищ, самое пузатое из которых — Хартана-Хая — "Скала-старуха". А только что покоренная нами пирамида Аленги предстает в другом качестве — словно стадо баранов штурмует вершину. Может быть, потому и родилось старое ее название — Хой-Кая — «Овечья скала». С поляны особенно внушительными выглядят Армиси-Хаялары — многоэтажные башни противоположного склона Долины Привидений.

Круто сбежав между «привидениями», тропа вливается в грунтовую дорогу, очерчивающую подножье горы, и вскоре мы у родника Эски-Койнун-Су, среди вековых орехов и глыб хаоса. Место, где была старая деревня Демерджи, так и зовётся — Эски-Кой. Мимо развалин средневековой крепости Фуны, занимающей холм Кельсенын-хаясы, спускаемся в уютное урочище Бахчалар — несколько крохотных прудов спрятались в заросших остатках старинного сада. Рядом шоссе в Лучистое, прежде Новая Демерджи.

Появилось оно сравнительно недавно. Обвал, накрывший днём 4 апреля 1894 года четыре дома пристроенной ещё в средние века к Фуне деревушки, позднее переименованной в Демерджи, убедил жителей перебраться в безопасное, хотя и не столь удобное место. Глыбовый хаос, впрочем, возник не одномоментно. Исследование возраста лишайников на поверхности отрыва показало, что формироваться он начал значительно раньше. Продолжала сыпаться гора и по наше время. И спасибо, что мимо домов, потому что в то время, через какие-то восемь лет, новая деревня, по выражению путеводителя 1902 года, уже "чистенькая и опрятная". Словно и не было драматического переселения, события в местном масштабе эпохального.

От северной окраины Лучистого мимо белой каптажной будки источника Ай-Костанди (именно он определил выбор 1894 года), пересекаем серые языки полей и направляемся на поляны южного склона горы — Тюрпукляны-Тогай. Набитая тропа уводит в лес, вскоре на несколько метров её сжимают невысокие скалы - это Тарлах, «Теснина». В горных селениях жили лесом и раскинувшимися на плоскогорьях пастбищами, потому и тропы туда проводили основательные - с вымосткой, крепидами, кое-где врубаясь в каменный монолит. Вот и наша тропа, если присмотреться, выполнена по всем правилам дорожного искусства и не одну сотню лет выдерживает дожди и талые воды.

Крутые склоны горы за Тарлахом — лес Харатан, над ним величественный утёс Харатан-Хая, пока скрытый деревьями. Вход в следующее урочище отмечен деревянной калиткой, вероятно для предупреждения нежелательных путешествий отгоняемой туда скотины. Калитку за собой закроем и вскоре на пути непостоянный ручей оврага Кобетке, ниже называемого Махман-Дере или Милья.

Открываются луга двугорбого отрога Демерджи — Кобеткенын-Бурну. Стоит пройти к его южной оконечности с каскадом скальных обнажений над раздвоенным оврагом Дюфенын. После ветвистого тоннеля утоляем недостаток впечатлений видом на только что пройденную вдоль подножья корону юго-восточной бровки Демерджи — прихотливый гребень Аленги, ребристую Харатан-Хая и унизанную столбами выветривания Туар-Хошлар. На северо-востоке громоздится утесами внушительная ступень основания Демерджи-Яйлы — Шан-Хая. Её от нас отделяет глубокий овраг Бюк-Дере. Возвратившись на тропу, проходим на северо-запад по конгломератовым лбам его верховья — урочища Джурла с водопадом, полянами, развесистыми буками. Впереди наклонная луговина с белеющими обломками известняковой стены горы Еркян-Кая, а дорожка уводит вправо, в тень оврага, к роднику Чобан-Чохрах. Выложенное камнем аккуратное корыто, плита с надписью арабской вязью в горах Крыма другого такого, пожалуй, не сохранилось.

Следующие полчаса сложнее — вдоль сухого русла до первой развилки и между ветвями оврага напряжённый подъём на север, на высоту 1243,7 — Байрах-Хая, «Флаг-скала». Отвесы скальных пластов уходящие по обе стороны склона, издали действительно похожи на расправленные ветром старинные треугольные флаги. На подставленных солнцу и зимним метелям кручах уцепилось семейство тенелюбивого тиса. Лишившись букового прикрытия, тисы прижались к скале, запустили свои ветви во все углубления и, похоже, намерены просуществовать еще долго. Вот только потомство в этом суровом месте вряд ли появится.

Северо-западный сектор панорамы занимают холмистые волны Демерджи-Яйлы. Центральную её часть называют так же Хасарлых. Прямого аналога слову хасар в русском

языке нет, возможен перевод «провал», причём не любой, а только на яйле, то, что принято сейчас называть карстовым колодцем, воронкой, просадком.

На очереди спуск по лесистому восточному отрогу, в километре от вершины его перегораживают три пояса скал, средний - Басамах - непроходим, но наша цель - верхний. Здесь на обращённом в сторону побережья утесе выветривание обнажило крохотную карстовую пещерку. Тремя большими окнами смотрит она на три стороны света, истончённые дуги перемычек напоминают аркбутаны готического собора. Сидя в «беседке», замечаешь любопытный пространственный фокус: впереди, метрах в сорока, на гребне следующего книзу Басамаха поднимаются три симметричных зубца, центральный чуть выше и точно указывает на один из бугров Чуплах-Хыра, протянувшегося к горе Малаба продолжения Кобеткенын-Бурну. На тот самый бугор, где хорошо известный археологам таврский могильник. Мало того, по компасу определяем направление точно на юг!

Если от пещеры спуститься по лесу на север, можно пополнить запасы воды в небольшом родничке Чогун-Али и подготовиться к последнему испытанию на маршруте — штурму в лоб восточного форпоста Демерджи-Яйлы — горы Диплис. Отдохнув на вершине, торопимся к самому, пожалуй, эффектному северо-восточному краю плато, где мощные зубчатые гребни стремительно падают в долину Улу-Узени. Это Тарах-Хая, «Гребень-скала».

Обладателям фототехники или хотя бы невооруженного художественного взгляда ни к чему эпитеты, которые можно было бы здесь нагромоздить. Ограничимся советом любителям экстремального туризма: спуститься по осыпям одного из двух самых глубоких кулуаров к ручью Кара-Узеньчик (он впадает в Улу-Узень немного ниже водопада Джур-Джур) и попытаться уехать домой из Генеральского. Те, кто не хотят рисковать, могут пройти на запад в широкую долину Курлюк-Баш (или Котел) и километра через полтора за поляной свернуть на бывшую дорогу, а теперь тропу, петляющую высоко над левым берегом Курлюк-Су. В устье, у лесничества, ожидая троллейбус, обратим внимание на следующее: прежде самое узкое место в долине Ангары было ещё уже, ныне правый борт теснины срезан для широкого полотна шоссе, а поросшая травой старая дорога забирается метров на пятнадцать над рекой. Препятствие отразилось в топонимии урочища — Демир-Хапу — «Железные ворота». На лесистых хребтах по обе от него стороны чуть заметные остатки древних стен — Таш-Хабах. А небольшой навес на левом берегу недалеко от одинокого дерева легенда или быль связывает с именем небезызвестного искателя приключений — Алим-Айдамах-Хобасы.

НА ПОДСТУПАХ К КАРАБИ

Широко раскинулось холмистыми волнами самое восточное карстовое нагорье Крыма — Караби-Яйла. За последние десятилетия местами этими занимались преимущественно спелеологи, в результате почти треть из общего числа выявленных на Главной гряде пещер приходится именно на Караби. Растёт популярность и необычных археологических памятников плато: геоглифов-"бабочек" у горы Карчигалы (западной) и граффити шахты Студенческой. А по соседству с хорошо известными памятниками можно встретить любопытные объекты, которые до недавнего времени в глаза не бросались, то ли по скромности внешнего вида своего, то ли из-за неплохой природной маскировки.

В маршрут удобно уходить из Александровки (бывший Отар-Кой), она километрах в пяти от Белогорска. От окраины движемся по широкой балке на юг, через километр — сюрприз: раздвоение долины, налево к Тайганскому водохранилищу овраг Коп-Коян (коп — много, коян — заяц), а равноправный сток через Александровку, в речку Сары-Су, мы только что миновали. Развилка перепахана, и сейчас трудно понять, какой путь выбрал бы изредка оживающий при паводке ручей. От этого места, а в начале прошлого века здесь доживала отпущенный ей срок деревушка Хунчор, долина называется Орман («лесная»), чуть впереди она глубоко пересекает лесистые северные отроги нагорья. С каждым километром пейзаж оживляется, выглядывают из-за деревьев и убегают косо вверх скальные пояса, вот слева по ходу сквозной грот. Изменилось и название долины — Лячинын-Джилгасы (лячин — один из

видов соколов). Часа через полтора вправо уходит тесный овраг Сазлы-Кую («колодец в камышах»), слева по главной ветке можно поискать причуды выветривания - овальные окна в истончённых скальных выступах.

Поднимаемся в лоб на укрытый густолесьем холм на стрелке оврагов — поперек его уплощенной вершины с востока на запад протянулся вал. Раскат необработанных камней шириной до 5—6 метров хорошо задернован. Несомненно, это остатки стены, защищавшей территорию с юга, наиболее доступной стороны. Восточный, местами голый склон водораздела, обращенный к покинутому нами недавно оврагу (теперь он уже называется Аиргый-Джилгасы), отчетливо террасирован, что выдает некогда обитаемое место. С конца XVIII века, а именно тогда появляются сравнительно надежные карты полуострова, ни на одной из них здесь не обозначен населенный пункт. находка наша, вероятно, относится к средневековью, когда крымские аборигены устремлялись в глухие труднодоступные углы, а в нашем случае — и поближе к обширным пастбищам.

Направляемся туда по дну Аиргый-Джилгасы. За поселением, в конце поляны, путь пересекает спускающаяся с перевала Ай-Тамган-Богаз наезженная дорога. Соединяла она современное село Пчелиное (бывший Куртлук) и деревушку Казанлы, ныне не существующую. Последняя интересна тем, что была самой высокогорной в Крыму - 700 м н. у. м. Километровый переход вдоль балки по лесу, а она теперь уже именуется Ай-Тамган (айтамга -родоплеменное название), — очередная развилка: слева подходит неглубокая лощина Каравлы-Джилгасы («Сторожевая балка». Неожиданно появляется и «сторож» - стройный скальный зуб, в другом ракурсе - голова. Он одиноко возвышается над мелколесьем, укутавшим подъем на плосковерхий водораздельный холм. Интересно осмотреть и гроты Каравлы-Джилгасы: на западном склоне они миниатюрны, а в лесу восточного притаились вместительные, с находками кремневых отщепов. Юрские известняки Главной гряды кремль не содержат, любые, даже необработанные фрагменты в подобных местах появляются только благодаря человеку. Тогда же по совершенно сухому ныне тальвегу должен был течь ручей.

Продолжим знакомство с Караби на западном краю плато. Перейдя верховья Ай-Тамгана, километра через два пути на юго-запад добираемся до глубокой воронки, на дне которой широкий вход в небольшую светлую пещерку Когурчи-Хоба («голубиная») или Кучук-Бузлук. Ещё через два километра на запад открывается вьющаяся меж голых холмов лощина Ханили-Джилга, она тут же падает направо, в крутой лесистый овраг Ауджиклы («охотничий»). В прошлом лощина служила и водной артерией, о мощности которой свидетельствует ироническое название — река(!) Тамчин — «капающая». Обойдем лугами край леса с юга и спустимся в левое верховье Ауджиклы — урочище Артычлык. «Артыч» — можжевельник, повсюду в Крыму топонимы с этим корнем безошибочно указывают на обилие этого растения. Но в ближайших окрестностях можжевельник не встречается. В чем же дело? А вот и разгадка; оказывается, под защитой высоких листопадных видов прячется роща тиса ягодного, внешне отдаленно напоминающего вечнозелёный артыч. Десятки деревьев скопились на западном борту Артычлыка. Тис в горной Таврике не редкость, но рощи его известны лишь в трех еще местах: крупнейшая занимает урочища Ешиль-Богаз и Ян-Бий, что у Бельбекских ворот, а еще две в Большом Каньоне.

Правый склон Ауджиклы подточил край плато, и оно обрывается здесь невысокими слоистыми скалами. В их основании темнеют входы двух пещер. Та, что южнее, — Хаджи-Хоба, известная палеолитическими находками. Впрочем, пещера нужна была человеку и во все более поздние времена. К примеру, в ней обнаружена и кизилкобинская керамика. Кремневый материал разных эпох попадает в размывах почвы к югу и юго-востоку от убежища. Словом, охотники, а позднее и скотоводы оставили очевидные следы интереса своего к богатым угольям.

В нескольких сотнях метров от пещеры, отмечая крайний северо-западный выступ яйлы, поднимается с виду ничем не замечательный безлесый холм с пологими склонами. Зато панорама отсюда открывается впечатляющая — от предгорных равнин на севере до волнистой каймы южной и восточной окраин Караби; западный сектор кругозора заполняют отроги центральных яйл. Вершина холма плохо просматривается с окружающих его проселков, вот и оставался долго не замеченным невысокий, распластавшийся на 8 метров в диаметре,

курганчик. В центре - человек ли, природа — обнажили каменные выкладки: трехметровый круг внутри его прямоугольник, ориентированный в широтном направлении. Поодаль, на расстояниях 26—42 м от высшей точки, врыты и выступают на 20—40 см над поверхностью ровных, без скальных зазубрин карров склонов, пять бесформенных камней. Их азимуты: 0°, 30°, 60°, 120°, 240°.

А не астрономическая ли обсерватория древних перед нами? Точками отсчета могли служить дальние валуны, визиром — центральная группа. Изучение поведения небесных тел для дальних предков носило куда менее отвлеченный характер, чем для нас. На фоне зыбкости фенологии это был, вероятно, единственный надёжный способ ориентации во времени. Самая знаменитая обсерватория древности — Стоунхендж. По мнению её исследователей — Дж. Хокинса и Дж. Уайта — сложная мегалитическая конструкция позволяла предсказывать солнечные и лунные затмения, не говоря уже о более простых «текущих» наблюдениях. Скромная композиция у наших ног вряд ли нацеливалась на весь спектр небесных явлений. Хотя некоторые ее части, возможно, утрачены — слишком миниатюрны они в сравнении с исполинами Стоунхенджа, и ничего не стоило употребить их в утилитарных целях, для ограды или обкладки кострища.

Радиоуглеродная датировка Стоунхенджа отнесла первый этап его строительства к началу II тыс. до н. э. В Крыму это время принадлежало представителям кемиобинской и ямной культур, переходному периоду от энеолита к бронзе. Правда, подавляющее большинство находок сделано в степи и предгорьях на материалах раскопок курганов, помешавших освоению местности. В горно-лесной зоне исследованных курганов — единицы, к счастью, там они пока никому не досаждают.

Замыкая маршрут, с некоторым трудом, хотя и с интересом, спускаемся вдоль дна Ауджиклы в глубокую, отсекающую Караби от Орта-Сырта балку Сарытма, она же Баксан (баксен — родоплеменное название). Метров через пятьсот вниз по течению (а течет иногда по балке речка Су-Ат) - над правым берегом громоздится желтовато-серый с зелеными пятнами мха натек из речного туфа. Это произведение небольшого, но, судя по размерам натека, упорного родничка Салма-Чокрак-Кичкене (салма - проточный, второе значение — свисающая нашивка рукава). Вода растекается по его телу и слезами капает в обычно пересохшее русло.

Заметная тропа вскоре выбегает на грунтовую дорогу, спустившуюся слева, с хребта Яман-Таш. Дальнейший путь над берегом Бурульчи, а Су-Ат её правый приток, через пару километров от места слияния приводит к хутору. Чуть впереди слева подходит длинная разветвлённая балка Кан-Джилга. Стоит пройти метров триста вдоль ручья, чтобы выяснить, что питается он не от основного русла, а из правого притока, где по замшелым камням несколько десятков метров бежит вода источника Кара-Чокрак. Вот и он сам: низкая, но глубокая пещерка, заполненная озером чистой воды. В межень она просачивается сквозь нагромождение глыб у входа, а при паводках, в последние годы редких, бурно переливается через край. Объект имеет и «спелеоцентристское» название — пещера Подземное озеро, отражающее иную систему ценностей.

Отсюда всего минут 15 ходу до первых домиков села Межгорья, прежде Баксан, а если еще глубже в прошлое, то Юхары-, Орта- и Ашага-Баксан. Осталось сообщить, что где-то на лесистом хребте, отделяющем Бурульчу от параллельной ей с востока балки Карабахи, затерялась поляна с интересным названием — Керменчик («крепостца»). Интересным прежде всего потому, что в свое время в тех местах поиски старинных укреплений не проводились, а приступить к ним сейчас мешают укрепления хоть уже и неизвестно чьих, но вооружённых сил.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белянский Игорь Леонидович. Краевед. Публикации в крымской периодике